

Владимир Малиновский

Пряничный домик

Посвящается Кате Куприяновой

Глава 1.....	1
ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК.....	1
Глава 2.....	7
«ФАРТОВОЕ» ДЕЛО.....	7
Глава 3.....	11
ДОЛГ.....	11
Глава 4.....	15
ДЕВОЧКА ИЗ СКАЗКИ.....	15
Глава 5.....	20
«МОЙ МАЛЬЧИК».....	20
Глава 6.....	24
ПУГОВИЦА.....	24
Глава 7.....	27
ОТЧАЯННЫЙ ПРЫЖОК.....	27
Глава 8.....	31
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ.....	31
Глава 9.....	35
ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА.....	35
Глава 10.....	38
И СНОВА МАЛЬВИНА.....	38
Глава 11.....	41
КУКЛА.....	41

Глава 1

ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК

Генка Миролубов любил смотреть на этот восхитительный Домик. С верхнего этажа интерната он казался ему удивительно сказочным. Был он округлый, без привычных углов, будто не строен, а выпечен в печке. Крыша

коричнево-шоколадным потоком застыла над сахарно-белыми стенами. В стенах прорезаны арочки-окна, глазки, которыми Домик глядел из-под нависших над ними пышных каштанов-бровей. Может быть, странно, но Генке казалось, что сказочный Дом очень похож на Пряничный Домик в одной из кондитерских города. Тот красовался в роскошной витрине, окруженный, как свитой, дорогими тортами, пирожными.

Миролюбов был мелкий, но уже хлебнувший жизни пацан и, несмотря на это, безнадежный, запойный мечтатель. Генке не очень-то нравился унылый, обшарпанный вход в его интернат и интернатовские облезлые, серые стены. Глядя на Домик, мальчик мечтал, как будет жить в нем с мамой и маленьким братом, которых оставил в далеком поселке. Может быть, даже и с Лизой, девчонкой из интерната. С ней его подружил все тот же Пряничный Домик.

Как-то однажды Миролюбов стоял у окна, зачарованно глядя на шоколадную крышу. Вдруг он услышал у себя за спиной тонкий, насмешливый голос:

– Что это ты все вечера у окошка стоишь? Смотри – все глаза проглядишь.

Миролюбов тотчас оглянулся и увидел девчонку. На вид неказиста: реденькая косичка, курносый, веснушчатый нос. Эта девчонка, случалось, поглядывала на Генку и раньше, но он старался обходить ее стороной. Мальчику почему-то не нравилось, что они друг на друга были очень похожи, точно родные брат и сестра. Но озорные глаза на него глядели сейчас так бойко и весело, что Миролюбов им не мог не ответить:

– На Пряничный Домик смотрю.

– На какой домик? – девчонка смешно наморщила лоб.

– На Пряничный, – повторил Миролюбов и ткнул пальцем в шоколадную крышу, – Вон он, смотри.

– Правда похож, – глядя в окно, снова удивилась девчонка, – Как в кондитерской. А ты – фантазер. Весь в облаках. А на земле-то, наверное, не очень. – тут она на мгновение задумалась, – Ты подожди. Я сейчас.

Девочка скоро вернулась и сунула Миролюбову сверток:

– Это бутерброды. Возьми. А то ты какой-то худой.

– Я не ... – попытался возразить Миролюбов, – Но сверток, как бы сам собой, оказался в его руке.

– Ты ешь. Я еще принесу, – пообещала девчонка, – И вот что. Я тебе предлагаю дружить. Меня зовут Лиза.

Так Генка и Лиза стали друзьями. Ходили в кино. Болтали, играли. Бывало и ... ссорились. Особенно когда Миролюбова доставала излишняя забота подружки. Но Лиза кормила его дорогой колбасой, которую привозила ей мать. Такой восхитительной колбасы Генка никогда в своей жизни не пробовал. И если уж честно, положив руку на сердце, за эту вкуснятину Миролюбов прощал все обиды «Колючке» (как Лизу он про себя называл) и даже хотел за нее отдариться. Пирожными из кондитерской с Пряничным Домиком. Однако кондитерская была дорогая. А денег у Генки никогда не водилось. Зато в голове в избытке водились идеи, одна из которых казалась ему простой и доступной.

В один из своих выходных Миролюбов оказался у двери кондитерской с Пряничным Домиком. Он потянул за блестящую ручку и оказался внутри. Тут Генка, не мешкая, направился к ярко освещенной витрине, но вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Взгляд очень внимательный, цепкий, а потому неприятный. Генка хотел оглянуться – увидеть того, кто смотрел, но из-за витрины ему уже улыбалась дородная тетка:

– Тебе, мальчик, что?

– Мне, тетя, пирожных. Но только я их хочу заработать. Полы там помыть... Или что еще.

Улыбка слетела с теткиных губ. Лицо ее стало равнодушно-презрительным.

– Да маловат ты еще для работы, – лениво и в сторону сказала она, – А вот подрастешь – приходи за пирожными.

Такого ответа Миролюбов не ждал. Он сник и, взглянув на столбом стоящую тетку, понуро направился к выходу. Но вдруг чей-то голос окликнул его:

– Послушай, пацан! А ты с интерната?

Тут Генка невольно вскинул глаза и встретил тот взгляд, что кожей почувствовал при входе в кондитерскую. Когда-то давно, собирая грибы, в лесу ему довелось встретить волка. Тогда волк смотрел на него точно так же как этот вот парень, сидящий за столиком с чашечкой кофе: излишне-спокойно, изучающе пристально.

Но парень внезапно ему улыбнулся. Лицо его стало добрее и мягче:

– Расслабься, пацан. Я ведь сам с интерната.

И Генка вдруг вспомнил. Конечно же, парень был с интерната. А звали его почему-то Серьга. А не узнал он Серьгу потому, что тот одевался в интернате, как все: невзрачно, неброско и серо. Сейчас он был в свитере, очень красивом: с узорами черными, красными.

– Ты лучше присядь. В ногах правды нет. – Серьга показал на свободный за столиком стул.

Со старшими в интернате лучше было не спорить, и Миролюбов присел. Взглянул исподлобья. Бок о бок с Серьгой сидела девчонка с покрашенными яркой клубничкой губами.

– Пирожные любишь? – Серьга ухмыльнулся и положил на стол руку.

На пальце его блеснул желтизной перстенок с красным камешком. «Как будто бы кровь в кольце запеклась». – отметил про себя Миролюбов. Но тут же отвел взгляд от перстня и пробормотал вниз, под стол:

– Я не для себя. Я для Лизы.

– Слышь, Кать, – Серьга удивленно взглянул на девчонку с губами клубничкой, – Он ДЛЯ ЛИЗЫ.

– И правильно. – клубничные губы растянулись в улыбке, – Купи своей Лизе самых лучших пирожных.

– Да у него денег нет. – Серьга снова искоса, но очень внимательно глянул на Генку, – Давай я пирожных куплю, а ты их потом отработаешь. Ты маленький, гибкий и есть для тебя работенка. Не пыльная и платят неплохо.

Но Генка молчал. Его настораживал, по волчьему, внимательный взгляд.

– Да ты бери, дурачок! – внезапно вмешалась в беседу девчонка с губами клубничкой. – Порадуй свою Лизу пирожными.

Тут Генка невольно глянул на стол. Как раз перед ним, на яркой тарелочке лежали пирожные. Такие красивые и аппетитные, что устоять было трудно.

– Ну, ладно! Давай! – разом выдохнул он.

Серьга тут же дружески хлопнул его по плечу:

– Ты здесь посиди, а мы с Катей купим самые лучшие.

Конечно, Генке очень хотелось самому поучаствовать в покупке пирожных для Лизы, однако возразить старшекласснику он не посмел.

Через две-три минуты Серьга и Катя возвратились за столик.

– Держи! – Катя протянула Миролюбову большущий пакет, – Да, прежде чем отдавать, пирожные нужно попробовать.

И Генка послушно полез рукою в пакет.

Пирожное растаяло во рту так, будто там его вовсе и не было. И Миролюбов понял только одно: оно очень вкусное, а значит и дорогое. Забытое чувство осторожности вдруг резко шевельнулось в груди.

– И сколько я должен? – он напряженно смотрел на Серьгу.

– Три тысячи. – ответил Серьга, не скрывая усмешки.

Пакет с пирожными выскользнул из ослабевшей руки Миролюбова и мягко шмякнулся о пол:

– Да они столько не стоят!

– Не стоят. – взгляд Серьги из нарочито отсутствующего снова стал волчьим, – Но я тебе деньги дал в долг. А в долг дают под проценты.

Генка схватил с пола пакет и рванулся к витрине:

– Тетя! Возьмите назад пирожные! А мне деньги отдайте!

–А что не понравились? Ты же их ел. Я же видела. Да и вообще ...– лицо продавщицы стало каменно-равнодушным, – Товар назад мы не принимаем.

Генка в отчаянии зачем-то оглянулся на столик, за которым сидел Серьга вместе с Катей. Но там было пусто. Серьга со своим желто-красным кольцом (оно почему-то врезалось в Генкину память) и Катя с губами клубничкой исчезли.

Назад в интернат Миролюбов шел так, как будто на ногах его были пудовые гири. Ни раз и ни два ему очень хотелось выбросить этот тяжеленный пакет, но ему все же жалко было пирожных.

А в интернате он сразу отправился к Лизе. Во-первых, отдать ей пирожные. Они все-таки были куплены для нее. А, во-вторых (и это для Генки, конечно, было сейчас самым главным) он ждал от подружки совета, а, может быть, даже и помощи.

Однако при виде вошедшего в ее комнату Миролюбова курносенький носик Лизы вдруг вздернулся надменно и строго:

– И где это мы ходим так долго?

– Вид Лизы, а, главное, тон, которым она произнесла эту фразу, мгновенно отбил у Генки охоту рассказывать ей о своих злоключениях, и он только сухо сказал:

– Возьми. Вот пирожные. Я принес для тебя.

– Пирожные!?! – лицо Лизы от удивления вытянулось, и она полезла в пакет, – Ой! Правда, пирожные! Да как их тут много! – но вдруг замолчала и озабоченно посмотрела на Генку, – Послушай, они дорогие. Ты где деньги взял?

– Серьга одолжил. Сказал – отработаю.

– Серьга!?! – глаза Лизы стали испуганными, – Ой, ты дурак, Генка! Какой ты дурак! Серьга-то ведь – вор! Он и кличку свою получил за то, что у учительницы золотую сережку украл!

Миролюбов молчал и сопел. Он и сам понимал, что дела его плохи. А подружка, вместо того чтобы сказать ему что-нибудь дельное, только подливает масла в огонь. И это его вдруг взбесило.

– Да сама ты дура! – неожиданно выпалил он, – Ты пирожные возьмешь или нет!?

Лиза отрицательно покачала головой:

– Нет. Не возьму.

– Ну и черт с тобой! Колючка! – Генка со злостью швырнул пакет в открытую форточку. Получилось неожиданно ловко. Пакет большой птицей влетел в зияющий пустотою квадрат и, невидимый, мягко шлепнулся о тротуар.

Остаток дня и весь вечер Миролюбов провалялся у себя на кровати. Его мучила лишь одна, но неотвязная мысль: «Что за работу поручит ему Серьга».

На следующий день для того, чтобы хотя бы немного отвлечься от тяжелой, гнетущей мысли, Миролюбов решил посмотреть на Пряничный Домик. Он стоял у окна, когда на плечо ему легла чья-то рука. Генка вздрогнул и обернулся. Ему улыбался ... Серьга;

– Привет, БАБОН. Ну, как пирожные? Вкусные?

– Я не Бабон! – Миролюбов волчком взглянул на Серьгу.

Серьга ухмыльнулся:

– Не – не! Теперь ты Бабон. Вот смотри, Бабон, – он неожиданно повернулся к окну, – Видишь тот дом с коричневой крышей? – Генка напрягся. Это был ЕГО Пряничный Домик, – Так вот, – продолжил Серьга, – В три часа ночи мы встречаемся у этого дома.

– Я воровать не пойду!

Серьга осклабился в «доброй» улыбке;

– А за тобой ведь должок. Я пацанам в интернате скажу – тебя живо опустят. – Генка заледенел. А Серьга, заметив это, с презрением добавил, – Дурак! Он воровать не пойдет. Да после этого фартового дела ты свою Лизу завалишь пирожными. Понял, БАБОН!

Глава 2

«ФАРТОВОЕ» ДЕЛО

Ночь для «фартового» дела выдалась самая что ни на есть подходящая. Темень стояла такая, что не видно было ни зги. Ветер сек Миролубову лицо мелким, холодным дождем и колючей снежной крупой, рвал и трепал его потертое, выдавшее виды пальтишко.

Миролубов шагал в зыбком свете ночных фонарей по совершенно безлюдной, будто бы вымершей улице. Тягость, волнение, которые ему не давали покоя последнее время, перешли в безразличие: «Будь что будет. Лишь бы пережить эту ночь».

Он остановился рядом с Пряничным Домиком, в ярком круге фонарного света. И стал ждать, равнодушно глядя перед собою..

Неожиданно между лопаток ему воткнулось что-то тупое и твердое. «Хенде хох!» – послышался сзади дурашливый голос. Генка вздрогнул и оглянулся. «Что забздел, Бабон?!» – скривился в усмешке Серьга и, не ожидая ответа, продолжил, – «Ты где встал, дурак! Под фонарем! Ты б еще заорал бы погромче: «Я пришел сюда воровать!» Ну да ладно.» – он немного смягчился, – «Пошли». – и повел Генку к ажурной ограде, окружающей Пряничный Домик.

Было тихо. В окнах – арочках огоньки не горели. Домик спал. Генка, как в забытьи, смотрел на него.

– Здесь одна только баба живет. Да и та сегодня в отъезде. – «подбодрил» его Серьга, – А теперь – давай на забор.

То ли у Миролубова руки заоченели от холода, то ли ему не хотелось лезть во двор любимого Домика, но у него получилось что – то явно не то. Кулем перевалился он через ограду, после чего упал на подстриженный ровной щетинкой куст. Куст затрещал и стало вдруг оглушительно тихо...

Генка недвижно лежал на земле, сам испугавшись такого громкого шума. Серьга затаился, буровя глазами крошечную тьму. Только через минуту,

убедившись, что все вокруг тихо – спокойно, он летом перемахнул через ажурную сталь и тут же зло зашипел Генке в ухо: «Ты что сегодня неловкий такой! Будто нарочно!» – и, грубо толкнув его в спину, закончил, – «Пошел! Хрен моржовый!»

Они прошли маленький дворик и оказались как раз возле арочек-окон, которыми Пряничный Домик смотрел из-под каштанов на мир.

«Ногу давай – я подсажу», – Серьга сложил руки «замком». В мгновение ока голова Миролюбова оказалась под самой оконной аркой. – «Толкай форточку!» – послышалось злое шипение снизу, – «Ее на защелку не закрывают. И лезь. Откроешь мне окно изнутри».

Действительно, форточка оказалась не заперта и влез в нее Генка свободно, но ... только до половины. Перевалившись через оконную перекладину, он судорожно шарил руками в пространстве. Пытаясь найти за что бы ему ухватиться. «Да лезь я тебе говорю!» – стегнул по ушам его окрик Серьги.

Тут Генка рванулся вперед и ... рухнул в кромешную тьму. Секунду другую он лежал без движения: чертовски болела голова от удара о пол. Но снова достало его злое шипение Серьги: «Вставай! Что разлегся, Бабон!» С трудом Миролюбов поднялся и тут же, что было силы ударил руками оконные створки. Не отпертые запоры сломались. Окно гроыхнуло и распахнулось. И вновь стало тихо. Шумел только дождь.

В полнейшей тишине лихорадочно пролетали секунды. Томительной паузе, казалось, не будет конца. Но вдруг из ночи на оконную раму легли две ладони. Затем так же совершенно бесшумно поднялась голова. Серьга подтянулся. Занес одну ногу. Другую... Внезапно ослепительный свет взорвал непроглядную тьму. Серьга рухнул вниз. Под ним затрещали кусты. А Генка так и остался столбом стоять у окна. Он был вне себя. Он даже не пытался бежать.

Из столбняка Миролубова вывел раздавшийся позади него голос, одновременно и звонкий, и мелодичный, как будто бы прозвенел серебряный колокольчик:

– Здравствуй, мальчик. Что ты здесь делаешь?

Слегка пришедший в себя Миролубов оглянулся на голос. В ярком свете, которым все заливала включенная люстра, стояла очень красивая девочка.

– Здравствуй, – ответил ей Генка одеревенело, – Я ничего здесь не делаю.

Девочка недоверчиво на него посмотрела и взяла со стола телефон. Звонок оказался очень недолгим и прямо на Генку снова взглянули ее синие, большие глаза:

– Мама велела тебя не отпускать. Так что присядь. Она скоро будет.

Генке, несмотря на то, что его положение было очень незавидно, стало смешно: как это хрупкая девочка могла его «не отпускать». Правда заключалась в ином: руки и ноги его сейчас совершенно не слушались. Он был и сам не в состоянии уйти.

«Мама», действительно, приехала очень скоро. Хлопнула дверь, послышался стук каблучков и перед Генкой предстала стройная, со вкусом одетая женщина.

– Здравствуй, мальчик, – холодно поздоровалась женщина, – Тебя как зовут?

– Гена. – Генка сам не узнал свой голос. Он звучал, словно ватный.

– Скажи, пожалуйста, Гена. Кто твой напарник или, как у вас там, подельник?

Миролубов удивленно взглянул на строгую тетку: откуда она могла знать о Серьге? Ответ на его безмолвный вопрос последовал сходу:

– Твой подельник оставил на клумбе следы. Это взрослый мужчина.

– Это Серьга ... Я ему должен. За пирожные для Лизы. – Генка отрешенно уставился в пол.

Теперь уже удивилась строгая тетка. Глаза у нее раскрылись шире обычного, и она неожиданно улыбнулась:

– У тебя есть девочка Лиза, которая любит пирожные?

– Да.

– И этот твой подель .. Заставил тебя ЭТО сделать.

– Да.

– И сколько ты ему должен?

– Три тысячи.

– Ого! – у тетки даже округлились глаза, – А что, пирожные были золотыми?

– Серьга сказал, что долг бывает только с процентами, – Миролюбов помолчал и зачем-то добавил, – Потом сказал. После того, как я пирожное съел.

Генка застыл. Ему уже было все равно. Он знал, что сейчас эта строгая тетенька позвонит в полицию и его отвезут. Наверное, сразу в тюрьму. Но «тетенька» пребывала в каком-то странном раздумье. Наконец, она встала:

– Я буду через минуту. И не вздумай удрать – пожалеешь.

Генка вяло пожал плечами и как будто окаменел. Таким и застала его строгая тетка, когда снова вернулась в комнату.

– Ну! – внушительно сказала она, но вдруг улыбнулась и протянула Миролюбову деньги, – Вот возьми. Здесь ровно столько, сколько ты должен. Ты отдай ЕМУ долг и больше с ним не дружи. Это очень плохой человек.

– Тетя! – Миролюбов очумело вскинул глаза, – Можно я огород вам вскопаю!

– У меня огорода нет. – рассмеялась теперь уже не строгая тетка, – у меня только клумбы, но ... – она внезапно задумалась и внимательно посмотрела на Генку, – Как мне кажется, ты мальчик хороший. Приходи – я работу тебе найду. Что, придешь? – Миролюбов с готовностью кивнул головой. – Вот и славно. А зовут меня, кстати, тетя Марина. – А это, – тетя Марина указала на стоящую рядом с ней красивую девочку, – Моя дочка Мальвина.

Генка снова, как китайский болванчик, кивнул головой.

Глава 3

ДОЛГ

Тетя Марина подвезла Генку до самого интерната. Там он, минуя вахтершу, пролез в туалет через окно, загодя им же открытое вечером, и потихоньку начал прокрадываться по коридору. Вдруг Миролюбова, словно толкнули: кто-то стоял прямо у него на пути, у окна. Генка взгляделся и в сером предутреннем свете узнал Лизу.

– Ты меня ждешь? – спросил он, уже не таясь.

– Нет. Просто так стою – в окошко смотрю. Хорошо что вернулся, – Лиза взглянула на Генку, – Больше ты с Серьгой никуда не пойдешь. Я маме звонила. Она обещала мне деньги прислать.

– Деньги есть. – Миролюбов вытащил из кармана скомканные купюры, – Вот – смотри.

– Ты украл?! – в глазах Лизы застыл ужас.

– Нет. Мне тетя Марина дала.

– Это какая тетя Марина?

В другое бы время Миролюбов вспылит, однако сейчас он был расслаблен и ... счастлив.

– Тетя Марина, которая в Пряничном Домике. – Он вдруг пригнулся и неожиданно чмокнул подружку в щечку.

– Ты это что! Совсем обнаглел! – Лиза зарделась, делая вид что очень возмущена, – Чтобы этого больше не было! Слышишь?! – и тут же спросила, озабоченно глядя на Генку, – А как ты будешь отдавать долг этой тете Марине?

– А я ей клумбы вскопаю.

– Да ладно. – Лиза и верила, и не верила, но все же слегка успокоилась. Вдруг она тронула пальто на груди Миролюбова, – Пуговица у тебя оторвалась. Снимай – я пришью.

В комнату Генка вошел уже без пальто. Сторожко поглядывая на спящих ребят, он быстро засунул деньги в подушку, под наволочку. Разделся. И, слыша как приятно похрустывают купюры под ухом, заснул мертвым сном, таким, что наутро его едва добились товарищи.

Продрав глаза, Генка встал. Оделся. Умылся. Смотался в столовку, где с аппетитом позавтракал и, только сделав все это, начал искать Серьгу, чтобы отдать ему долг. Но тут-то и случилась у него заковыка. Серьги нигде не было. И Генка внезапно забеспокоился.

Прошел обед. Серьга так и не появился. Больше того, все, как один, у кого Миролубов только не спрашивал, утверждали, что его в интернате сегодня и вовсе не было. Генка уже не находил себе места. Жгучее желание отдать этот чертов долг ни на минуту не оставляло его. Но отдавать-то было и некому.

Так прошел день и только незадолго до отбоя к Генке подошел Костя Бугаенко или просто «Костян», с которым он жил в одной комнате.

– Слышь, Ген, – Костян шмыгнул носом и замолчал, вытаращив на Генку переполненные любопытством, бледно-голубые глаза.

– Ну что тебе?! – не выдержал Миролубов.

– Ты... Серьгу сегодня искал? – после паузы, наконец-то, «прорвало» Костяна.

– Ну искал. – Генка весь вытянулся струною, – Где он?

– Да на чердаке. С братом в карты играет. – Костян помедлил и вдруг ни с того ни с сего спросил, – Ген, а что у вас за дела? То ты Серьгу ищешь, то он тебя.

Но Миролубов его будто и не слышал. Круто развернувшись, он уже бежал на чердак.

На чердаке «кучковались» одни старшеклассники. А Генка здесь никогда не бывал. Он без Костяна, наверняка, заплутал бы в чердачных ходах-переходах. Однако Костян Бугаенко здесь себя чувствовал, словно рыба в воде, и он Миролубова быстро привел к играющим в карты.

Едва ребята вывернули из-за какой-то огромной, вентиляционной трубы, как несколько человек, точно по команде, одновременно повернули к ним головы.

– Ты это зачем своего дружка к нам в гости привел? – прервал затянувшуюся паузу Алексей Бугаенко (его в интернате звали просто «Бугай»). С большим недовольством Бугай смотрел на младшего брата, – Тебе было сказано, на стреме стоять, а не шляться по интернату.

– Да это я его за Бабонем послал, – как бы между делом, объяснил появление мальчишек Серьга и, повернувшись к Генке, грубо добавил, – А ты, Бабон, ТОРЧИ здесь, пока я доиграю.

Но Миролюбов уже полез в карман за деньгами:

– На вот. Возьми.

– Что это? – Серьга как-то сразу даже не понял.

– Долг за пирожные.

– Долг?! – Серьга изумленно воззрился на Генку, – Как сумел?! Без меня?!

– но тут же осекся, бросив опасливый взгляд на присутствующих, – Не – не! Ты постой – погоди! Мы с тобой потолкуем!

Однако его неожиданно оборвал Алексей Бугаенко:

– А дай-ка сюда. – Бугай с нарочитой ленцой протянул здоровенную лапу за деньгами, однако увидев испуганное лицо Миролюбова, усмехнулся, – Да ты не дрейфь, мелюзга. Мне Серьга в карты должен.

– Не – не! – Серьга, наконец- то, начал соображать что к чему, – То что я должен – я и отдам. Но завтра. Сегодня мне самому деньги нужны.

– Сегодня отдашь. – Бугай говорил по-прежнему медленно, внешне спокойно, однако в глазах его вспыхнула злая искра.

– Шел бы ты! Завтра отдам!

– Сегодня. – Бугай вдруг встал во весь рост, превратившись в немаленький «шкаф», и жестким ударом свалил Серьгу на пол. После чего сгреб с ладони у Генки купюры и так же нарочито спокойно сказал, – Слышь,

малой. Если вот ОН, – кивнул головой на лежащего навзничь Серьгу, – спросит с тебя этот долг – скажешь МНЕ. Ну, а теперь. – Он недовольно взглянул на младшего брата, который из вящего любопытства придвинулся вплотную к столу с деньгами и картами, – Валите оба отсюда.

Ребята уже давно ушли с чердака, однако Костян почему-то не отставал от приятеля:

– Слышь, Ген. Ты сегодня математику списывать будешь?

– Ладно. Потом. – внутри Миролюбова все плясало и пело, ему было не до математики.

– Слышь, Ген. А говорят... – Костян сделал паузу, понимая небезопасность вопроса, но любопытство оказалось сильнее осторожности, – Говорят, ты с Серьгой на дело ходил, воровать. Это правда?

Генка остановился, как вкопанный, коротко глянул на вездесущего «друга»:

– Я в морду дам!

– Не хочешь говорить и не надо. – Костян обиженно отвел взгляд.

Младший Бугаенко, наконец-то, отстал и настроение у Миролюбова взлетело едва ли не до самых небес: долг-то в конечном итоге был отдан. Лиза попала ему на глаза как нельзя кстати:

– Лиз! А я долг отдал! – подлетел к ней радостный Генка.

– А я знаю. – сдержанно ответила Лиза, – Мне Костя Бугаенко сказал.

– Когда успел?! – вновь вспыхнул Генка.

Но Лиза остудила его:

– Ну, успел и успел. Тебе-то что. Ты лучше вот что скажи, – она строго взглянула на Генку, – Долг – то этой тете Марине может все же отдашь? Мне уже мама деньги прислала.

– Ну, хватит! – тут же насупился Миролюбов, – Я же сказал: отработаю – значит отработаю. И на этом закончим!

Глава 4

ДЕВОЧКА ИЗ СКАЗКИ

Наутро, едва встав с постели, Генка побежал на пятый этаж и долго оттуда смотрел на Пряничный Домик. Он с благодарностью думал о доброй тете Марине, о том, что вскопает ей все клумбы и грядки, какие она пожелает. А после школьных занятий Генка побежал вниз с горы, туда, где выглядывала из-за пышных каштанов знакомая шоколадная крыша. Остановился он только у узорной калитки и тотчас потянулся к розовой кнопке звонка, однако рука его на полпути замерла. Из-за стального забора внезапно послышалась песня, которую пел восхитительный голос.

Голос звенел и переливался в невозможной тиши. Казалось, что он временами устремлялся под самое небо и трепетал там живой, точно жаворонок, затем опускался, замирая в цветах возле дома. «Прекрасное далеко ...» – и с грустью, и с нежностью выводил удивительный голос, как будто бы зная, что его замороженно слушают.

Окаменевшего Генку вернула к жизни тетя Марина. Она открыла калитку и некоторое время смотрела на гостя, после чего обернулась во дворик: «Мальвина! А у тебя здесь оказывается слушатель.» И песня вдруг оборвалась, как будто бы улетев в облака.

– Здравствуй, Гена. Мы тебе рады. – тетя Марина распахнула калитку.

– Здравствуйте, тетя Марина, – произнес Миролюбов. Он хотел тут же прибавить, что пришел копать клумбы и грядки, но, шагнув во двор, снова остолбенел. Перед ним стояла удивительно красивая девочка.

С той памятной ночи, когда ему против собственной воли довелось побывать здесь впервые, он помнил какую – то красивую девочку. Однако воспоминания эти были мутны и скудны, поскольку тогда Генка был вне себя. Сейчас, среди дня, когда голова его прояснилась, Мальвина показалась ему не просто красивой – ПРЕКРАСНОЙ.

У девочки были большие и синие, как весеннее небо, глаза. Очаровательный маленький носик над нежно-коралловым ртом и светлорусые локоны, ниспадающие на округлые плечи роскошным неземным водопадом. Все это в сочетании с розовым платьем с бантами и алыми изящными туфельками на Миролюбова произвело потрясающее впечатление.

Однако такое довольно приятное «потрясение» не помешало Генке отметить разительное сходство между дочкой и мамой. Оно проявлялось не только в лице, но даже в одежде. К примеру, на платье Мальвины был точно такой же бант, как на кофточке тети Марины, но только значительно более яркий и пышный.

– Ну что, дети, может быть, поздороваетесь, – прервала затянувшуюся паузу тетя Марина.

– Здравствуй, мальчик. – большие, красивые глаза удивительной девочки презрительно – холодно смотрели на Генку.

Тетя Марина удивленно взглянула на дочь:

– Мальвина, ты разве забыла, как зовут нашего гостя?

– Нет, мама, я помню, что его зовут Гена, но я также помню, как он у нас первый раз появился.

Ответ этот почему-то чрезвычайно понравился тете Марине, однако она, скрывая улыбку, очень строго сказала:

– Мальвина, пожалуйста, называй нашего гостя по имени. – тетя Марина взглянула на Генку, который не знал куда себя деть от стеснения и вдруг улыбнулась лукаво, – А в качестве извинения, дочь, станцуй ему танец.

– Да, мама, – покладисто согласилась Мальвина, – и снова высокомерно взглянула на Генку, – Так что станцевать тебе, Гена?

– Я?! Я не знаю! – Миролюбов совсем растерялся, но неожиданно сам для себя вдруг брякнул, – Тогда тарантеллу.

Когда-то довольно давно, когда еще жив был отец, семья Миролюбовых была на концерте в поселковом Д.К. Концерт, если честно, Генка не помнил. Он

был неинтересным, бесцветным. Однако, как яркий мазок, на сером и скучном холсте, остался на памяти танец. Его танцевали девчонки в красивых, хотя и непривычных костюмах. А назывался он тарантелла.

– Тарантеллу?! – удивилась тетя Марина, – Ну что ж, будь по- твоему.

И тотчас, как будто по-волшебству, послышалась музыка, легкая, бойкая, похожая на порхание бабочки. Мальвина шагнула, взмахнула руками и ... музыка обрела кровь и плоть.

Возле беседки, на небольшом пятачке, изящно порхала неведомо как залетевшая туда чудная бабочка. Мальвина порхала, а Генка не отводил от нее восторженных глаз. А тетя Марина украдкой наблюдала за ним. По-видимому ей было чрезвычайно приятно то неподдельное восхищение, с которым ее маленький гость смотрел на Мальвину.

Так продолжалось минуты две или три пока не закончилась музыка и чудная бабочка не замерла на лужайке.

Тетя Марина взглянула на наручные часики и стала вдруг озабоченной:

– Ну вот что, ребятки, мне нужно чуть-чуть поработать. А вы поиграйте во что-нибудь ... Ну, может быть, в шахматы. Ты, кстати, умеешь? – вопрос был обращен к Миролюбову.

– Я – чемпион интерната! – заносчиво ответил ей гость и тут же покраснел, словно рак.

Здесь нужно отметить, что Генка ПОЧТИ не соврал. Он был чемпионом, но только среди одноклассников. Любовь его к этой древней игре объяснялась весьма прозаично. В нее в интернате играли на деньги, а иногда – на продукты.

– Ну что ж, хорошо, – улыбнулась тетя Марина, – Мальвина-то в шахматы играть не умеет. Пожалуйста, покажи ей ходы.

Тетя Марина ушла. А Генка взял шахматы, которые лежали в беседке и начал Мальвине показывать как ходят фигуры. Красавица-девочка схватывала все на лету. В игре раз от раза она прибавляла так сильно, что Миролюбов не переставал изумляться. В течение часа они сыграли три партии кряду и в двух

из них «чемпион» потерпел поражение. Лишь первую он с трудом сумел закончить ничьей.

– Что, ЧЕМПИОН! – Мальвина с холодной усмешкой взглянула на Генку,
– Сыграем еще? Или может быть, хватит?

На Генкино счастье в беседке, наконец- то, появилась тетя Марина.

– Ну что, научил Мальвину ходить? – как будто ни в чем ни бывало спросила она.

Тут Генка надулся, как мышь на крупу:

– Зачем вы тетя Марина сказали неправду? Мальвина играет в шахматы лучше меня.

Тетя Марина загадочно улыбнулась:

– Мальвина, действительно, раньше не брала в руки шахматы. Она просто девочка, очень и очень способная. Не обижайся. Давай лучше чаю попьем. Дочь, собери нам в беседке.

Казалось, теперь уже красавица-девочка ничем не могла удивить Миролюбова. Но это было не так.

Мальвина исчезла в Пряничном Домике, а вновь появилась минут через десять с подносом. А вот на подносе среди разного рода варений, печений и чайников стояли лишь ДВЕ чашки.

– А почему только две? – спросил Миролюбов Мальвину.

– А потому что я на диете и чаю не пью. – красавица- девочка даже не удостоила его взглядом.

У Генки глаза полезли на лоб: что это за диета такая, что даже чаю нельзя? Однако Мальвина «прислуживала» за столом так высокомерно и строго, что он не осмелился задать ей этот вопрос.

После чаепития тетя Марина доброжелательно взглянула на гостя:

–Ты, Гена, не обижайся, но нам с Мальвиной нужно позаниматься. Ты приходи в другой раз. Хорошо?

На что Миролюбов лишь кивнул головой.

Когда Генка оказался на улице, то как-то уже по-другому взглянул на Пряничный Домик. Да, он и вблизи был очень хорош: округлый и сахарно-белый, и с шоколадною крышей. Однако теперь мальчик знал, что в этом сказочном Домике живет и девочка из сказки. Девчонка чрезвычайно красивая, но... очень высокомерная и очень холодная.

Генка вздохнул глубоко и зашагал к себе, в интернат, к обшарпанному, но почти родному подъезду и девочке Лизе, пускай и веснушчатой и немного курносой, однако простой и понятной.

А Лиза ждала его уже в вестибюле.

– Ты долг отработал? – первым делом спросила она.

– Какой еще долг? – за всем тем, что Генка увидел и услышал в Пряничном Домике он совершенно забыл ЗАЧЕМ туда приходил.

– Как это какой? – Лиза искренне удивилась, – Ты ходил клумбы в счет долга копать.

– А – а – а ... – Миролубов с небес вернулся на землю. – Нет. Не копал. Я учил в шахматы Мальвину играть.

Лицо Лизы вытянулось:

– И что это за Мальвина? Из сказки?

– Наверное, из сказки ... – Генка на мгновение задумался, – Но ... только не из той, что ты думаешь. Мальвина, как Снежная Королева: красивая, умная, очень холодная и, наверное, злая. Я больше туда не пойду.

– А долг? – глаза Лизы стали тревожными, – Нет – нет! Тебе обязательно нужно идти!

Но Генка лишь хмуро молчал.

Глава 5

«МОЙ МАЛЬЧИК»

Ранехонько утром, когда все еще лишь просыпались, в Генкину комнату кто – то тихонечко постучал.

– Слышь, Ген, это к тебе. – хихикнул еще валявшийся в постели Костян.

– А может, к тебе. – огрызнулся Миролубов, но все же оторвался от завязывания шнурков на ботинках и открыл дверь. Там была Лиза.

– На вот, возьми. – Лиза ему протянула деньги.

– Это зачем? – тупо уставился на них Миролубов.

– Гена, я тебя очень прошу, отдай долг тете Марине. Ты же не знаешь, чего от нее ожидать. Не получилось бы даже хуже, чем с тем же Серьгой.

Генка, не отвечая, смотрел на купюры. Ему не понравилось даже не то, что подружка дает ему деньги: деньги – ведь это не колбаса. Ему не понравился самый тон Лизы: слишком давящий и требовательный. Но он понимал, что подружка все же права.

– Нет. – Миролубов упрямо мотнул головой, – Я к тете Марине сегодня пойду и долг отработаю.

На этот раз в Пряничный Домик Миролубов шел не спеша, старательно подбирая слова для тети Марины, о том, что он пришел не с Мальвиной играть, а грядки и клумбы копать. Однако, как только ему хозяйка открыла калитку, он все эти «убедительные» слова растерял.

– Здравствуйте, тетя Марина, – Генка неуверенно переступил с ноги на ногу, – А можно я все-таки долг отработаю.

Ответ для него был таким неожиданным, что он даже рот слегка приоткрыл:

– А ты мне, Гена, ничего и не должен. Ты в гости пришел и мы тебе рады.

Миролубов застыл истуканом, не зная, как ему поступить. С одной стороны, он не очень хотел общаться с высокомерной, хотя и очень красивой девчонкой, с другой – ему было как-то неловко вот так вот запросто взять и уйти. Однако, заметив его колебания, тетя Марина тотчас крикнула к дому: «Дочь, подойди-ка сюда!» – и тут же, завидев Мальвину, которая вышла во дворик, продолжила, обращаясь лишь к Генке:

– Ну, вот что, ребятаки, сегодня пройдитеесь по городу. Я думаю, это будет вам интересно. Ты, Гена, конечно, не против?

– Да нет... Почему же ... Нормально ... – растерянно пробубнил Миролубов.

Тетя Марина ушла. А Генка во время затянувшейся паузы невольно начал разглядывать, во ЧТО сегодня одета Мальвина. Вместо вчерашнего красивого, почти бального платья на ней были брюки и курточка. А маленькие, изящные туфельки заменили кроссовки.

Мальвина это заметила и свысока взглянула на Генку:

– Я для тебя слишком просто одета?

– Ты и вчера и сегодня очень красива. – осмелился сделать комплимент Миролубов.

– Да, ты растешь на глазах, – удивленно улыбнулась Мальвина, но тут же тихонько всплеснула в ладоши, – Ой! Вы только взгляните, какая красивая бабочка! Сумеешь поймать? – спросила она Миролубова с вызовом.

– А ты?! – разозлился вдруг Генка, – Лови без сачка – а я посмотрю.

Девчонка лишь фыркнула и пожала плечами. Рука ее медленно поднялась над кустом и вдруг ... на мгновение исчезла.

– Смотри – фокус-покус! – Мальвина раскрыла слегка сжатые пальчики буквально перед Генкиным носом. На маленькой полудетской ладони застыла коричнево-золотистая бабочка. Она встрепенулась – взлетела и села на тот же розовый куст, где была.

– Да это круто! – не удержался от восхищения Генка.

– А ты сомневался, – самодовольно усмехнулась Мальвина, – Ну ладно. Куда мы пойдём?

– Куда мы пойдём ... – задумался Генка. И, вправду, куда в городе можно пойти с такой красивой девчонкой? Но тотчас лицо его просияло, – Пошли! Я покажу тебе Пряничный Домик!

– И что это за Пряничный Домик? Он сделан из пряников? – заинтересовалась Мальвина.

– А вот ты увидишь, – Миролубов был безгранично доволен тем, что он хоть чем – то сможет удивить эту необычную девочку.

На улице Генка заторопился. Ему не терпелось похвастаться перед Мальвиной Пряничным Домиком, как будто бы он его сделал своими руками. По тротуару он не шел, а летел, однако, к его удивлению, на вид очень хрупкая девочка не отставала от него ни на шаг. В мгновение ока они оказались возле кондитерской.

– Вот он! Смотри! – Генка торжествующе указал на Пряничный Домик в витрине.

– И правда красивый – лицо у Мальвины выражало неподдельное восхищение, – он чем-то похож на наш с мамой дом. Я смотрела с горы.

– Еще как похож! Я давно это знаю!

Тут Генка хотел рассказать, как он смотрел на их дом из окна интерната, однако его перебил знакомый и одновременно отвратительный голос:

– Здорово, Бабон. – перед Миролубовым, будто из-под земли появился Серьга. Серьга посмотрел на Пряничный Домик, и рот его искривился в усмешке. – Ты, вижу, Бабон, все возле кондитерской трешься, а значит при бабках. Гони свой должок.

Внезапная злость переполнила Генку:

– У Бугая свои деньги возьми!

– У Бугая, говоришь ... – Серьга ухватил его за лацкан пальто.

Тут Генка весь сжался, ожидая удара. Но помощь пришла совсем неожиданно, оттуда, откуда ее и ждать-то, казалось, нельзя.

– Пожалуйста, не трогайте МОЕГО МАЛЬЧИКА, – послышался рядом детский голос Мальвины.

– Что – что!? – Серьга, наконец – то, взглянул на девочку, – Вали отсюда, малявка! Колготками шевели!

Он поднес руку к лицу Мальвины, чтобы сделать ей грубую «смазь», но ... не успел. В мгновение ока рука его была заломлена за спину. Заломленную руку, казалось, не прилагая ни малейших усилий, удерживала хрупкая девочка. У Генки, который и сообразить-то ничего не успел, глаза полезли на лоб. Случайный прохожий замер на месте и только произнес изумленно: «Вот это девчонка! Вот это да!» Серьга же завыл по-волчьи, от боли:

– Пусти, сучка! Пусти я сказал! Ты мне руку сломала!

– Нет, не сломала. Мальвина говорила совершенно спокойно, без тени волнения, – Пока не сломала. Дайте мне слово, что вы никогда больше не будете обижать МОЕГО МАЛЬЧИКА.

– Х – х – хорошо ... – Серьга уже не говорил, а хрипел. Глаза у него побелели от боли.

Мальвина с видимым сожалением отпустила руку Серьги. «Пойдем, Гена», – так же спокойно обратилась она к Миролубову.

Мальвина и Генка давно уже скрылись за поворотом, а Серьга все еще сидел на поребрике тротуара и будто в беспамятстве бормотал: «Ну погоди, сучка! Погоди! Погоди!».

А Генка шел и украдкой поглядывал на Мальвину. Он еще больше восхищался этой красивой задавакой-девчонкой. Однако теперь к его восхищению примешалось и чувство иное. Мальвина его защищала. И больше того, она назвала его даже «МОЙ МАЛЬЧИК». Так значит ... девчонка из сказки к нему равнодушна?

Тетя Марина встретила ребят у калитки.

– Ну как погуляли? – спросила она с хитрецей.

– Нормально. – односложно и просто ответил ей Генка, но вдруг вскинул голову в произвольном порыве, – А знаете, тетя Марина, когда я стану большим, я заработаю много денег и куплю для Мальвины пряничный домик из самого лучшего шоколада!

– Конечно-конечно. – охотно с ним согласилась тетя Марина, – Ну, а теперь беги в интернат. Не забывай нас: меня и Мальвину.

Глава 6

ПУГОВИЦА

В интернат Миролубов возвращался в глубокой задумчивости. В ушах его серебряным колокольчиком звучало: «Мой мальчик! Мой мальчик!» Конечно, ему было бы приятно и лестно сознавать, что он мальчик такой удивительной девочки. Однако Мальвина, как прежде, была с ним такой же высокомерной, холодной, как будто бы ничего не случилось, и она его не называла «мой мальчик». Да, нет, он не мальчик Мальвины и никогда им не станет. И Генке вдруг вспомнилась Лиза, и теплой, приятной волной нахлынули мысли и чувства. И мальчик убыстрил шаги. Ему захотелось как можно скорее увидеть «колючую», добрую Лизу и рассказать ей все то, что случилось на этой уже минувшей прогулке.

Лиза была в своей комнате. Лежа на кровати, она читала какую-то книгу.

– Привет! – обрадованный Генка поздоровался с ней прямо с порога.

– Привет – привет. – ему ответила Лиза, не отрываясь от книги.

– Что, очень интересная книжка? – обиделся Генка.

– Да я бы не сказала, что очень. Ты день, наверное, поинтересней провел.

Тете Марине клумбы вскопал?

– Нет, не вскопал. – Миролубов смутился.

– А говорят, что ты по городу с какой-то крутой девчонкой гулял. Она даже Серьгу на асфальт положила.

– Кто говорит? – лицо Генки вытянулось. Он меньше часа назад вернулся из города, а Лизе уже кто-то все рассказал.

– ВЕСЬ интернат говорит, – Лиза сделала ударение на первое слово, – Так это правда?

– Ну, в общем-то да. – Миролюбов не стал отпираться. – Это Мальвина. Я тебе о ней говорил.

Он-то еще хотел сказать, что тетя Марина сама настояла на его прогулке с Мальвиной, но Лиза перебила его:

– А если правда, – она, наконец, положила книгу на стол, – Тогда дай мне, пожалуйста, твое пальто.

– Это зачем? – удивился Генка.

– Дай – дай! Я пуговицы посмотрю. Может, еще какая болтается.

– Хорошо. – Миролюбов пожал плечами, – Возьми.

Он передал пальто Лизе. Однако подружка вместо того, чтобы проверить все пуговицы, быстренько отыскала ту, которую сама же пришила, и остренькими, по беличьим, зубками срезала ее под корешок.

– Ты зачем это сделала?! – Генка застыл в изумлении

– А затем! – мстительно ответила «добрая» Лиза – Пусть тебе пуговицы Мальвина теперь пришивает, милый мой Буратино!

Генка засопел, точно закипающий самовар. Он протянул обратно взятое уже у Лизы пальто:

– Выгрызи тогда и прореху, которую ты мне месяц назад заштопала!

Лиза вдруг вспыхнула, как будто ее ударили по щеке:

– Ну и иди к своей Мальвине, с которой ты гуляешь!

– Колючка! Забыл у тебя спросить! С кем хочу с тем и гуляю! – Генка буквально вылетел из комнаты Лизы.

Запунцовевший от острого разговора Миролюбов, рванул в столовку: ссора-то ссорой, а голод не тетка. Он стоял в очереди, когда вдруг почувствовал прилив какого-то неприятного беспокойства. Генка развернулся, резко, всем телом и увидел за спиной у себя ... Серьгу.

– Что, небось, сдрейфил? – Серьга скосоротился в какой-то непонятной улыбке.

– Мне дрейфить нечего! – на волне еще не схлынувшей злости отрезал ему Миролюбов и ... тут же поджался, ожидая пинка в зад или затрецины.

Однако, к великому его удивлению, ни пинка, ни затрецины не последовало. Серьга вновь ухмыльнулся, как будто чего-то стесняясь, и почти дружелюбно спросил:

– А эта кукла, с которой ты был ... Она что ... занимается самбо?

– Ну, да. Чемпионка страны среди юниоров.

Соврав, Миролюбов для убедительности посмотрел врагу прямо в глаза и ... не поверил себе: Серьга отвел взгляд. И тут Генка понял, что этот здоровый, уже по сути не парень – мужик, панически боится Мальвины, а значит и где-то его Миролюбова Генки. Душа его возликовала.

Уже не обращая внимания на дышащего ему в спину Серьгу, он не торопясь заполнил поднос и стал озирать соседние столики, выискивая свободное место, но тут его кто-то окликнул:

– Гендос! Что стоишь?! Причаливай к нам! – в углу, почти рядом с раздачей сидели братья Бугаенко. Костян усиленно махал Генке рукой. Не мешкая, Миролюбов направился к ним.

– Здорово. – Алексей Бугаенко взглянул с интересом на подошедшего Генку. – А ты, оказывается, парень не промах. Такую девчонку сумел отхватить.

У Генки от удивления даже рот приоткрылся. «А вы-то откуда знаете». – как бы говорил весь его вид. Однако Костян как будто этого только и ждал и тут же, блестя глазами начал рассказывать.

– Мы с ЛЕХОЙ, – он как бы между делом кивнул на старшего брата, – стояли возле кондитерской, когда ТВОЯ в момент скрутила Серьгу. МЫ даже и вмешаться-то не успели.

– Зато ты, малой, успел об этом всем растрепать. – вдруг недовольно, по-медвежьи, проворчал старший Бугай и «с легонца» дал «малому» затрецину.

– Мамке скажу! – жалобно захныкал Костян.

– А на еще! Чтобы было, о чем говорить. Вторая затрещина оказалась сильнее и крепче чем первая.

За соседним столиком послышался сдавленный смех. Генка невольно глянул туда. Ребята за столиком смотрели в их сторону, но не на Костю, а на него, Миролюбова Генку. Смотрели без смеха, но удивленно, как будто бы только что разглядели в нем нечто весьма необычное. Тогда Миролюбов начал потихоньку озираться вокруг и понял, что многие, очень многие здесь обращают внимание на него. И тут, наконец-то, до Генки дошло: все в интернате уже знают, что у него ТАКАЯ девчонка.

Внезапная гордость переполнила Генку. А, может быть, все-таки он – ЕЕ МАЛЬЧИК. Но тут же он вспомнил ледяные глаза прекрасной девчонки из сказки и сам для себя покачал головой: « Увы, так не смотрят на тех, кого любят».

На выходе из столовой Миролюбову встретилась Лиза и будто бы невзначай на него посмотрела. Он понял, что Лиза уже горько сожалеет о ссоре и искренне хочет с ним помириться. Однако обида была так свежа и остра, что Генка «не увидел» подружку.

Глава 7

ОТЧАЯННЫЙ ПРЫЖОК

На следующий день Миролюбов вновь отправился в Пряничный Домик. Он назло Лизе решил, что пуговицу, которую та срезала острыми зубками, пришьет ему ТОЛЬКО Мальвина. И нужно сказать, что упрямец своей цели добился, однако при этом едва не расстался с жизнью.

Тетя Марина Генку уже поджидала. Она деловито поздоровалась с ним и тут же позвала Мальвину, которая вышла из дома во вчерашнем спортивном костюме.

– Идите, ребятки, прогуляйтесь по городу. – тетя Марина сказала о прогулке как о деле решенном, на этот раз даже не спрашивая мнения гостя.

И Миролюбов послушался. Теперь он тем более не мог отсюда уйти. Ему позарез надо было, чтобы Мальвина пришила на пальто эту чертову пуговицу.

На улице Генка молчал. О чем ему было говорить с этой задавакой-девчонкой, которая даже не замечала, что у него на пальто нету пуговицы, и он из-за этого может даже простудиться и заболеть. Однако Мальвина тоже молчала и Генку, от этого еще больше разбирала досада.

Они вышли на мост, который горбатился над свинцовой, осенней рекою. Летом с самого верха моста в воду прыгали отчаянные городские мальчишки. Миролюбов не прыгал – боялся. И плавать-то он почти не умел. Но сейчас, точно бес толкнул его в бок. С превосходством взглянув на Мальвину, Генка нагло и глупо соврал:

– Я отсюда в реку прыгал с ребятами.

Тут, конечно, он ожидал удивления и восхищения от красивой девчонки, но Мальвина ему ответила ТАК, что в момент Генкины ноги сделались ватными.

– А ты прыгни сейчас, а я посмотрю.

– Х – хорошо. – пробормотал Миролюбов в растерянности и ... очень медленно стал раздеваться.

Генка все еще втайне надеялся, что Мальвина его сейчас начнет отговаривать, и он «так и быть» согласится. Но девчонка молчала, лишь с улыбкой наблюдая за ним. Наконец, он разделся и с последней надеждой взглянул на Мальвину, чтоб, как прежде, увидеть холодные и пустые глаза. Миролюбов полез на широкие стальные перила. Влез и сердце захолонуло в груди: там, внизу, далеко-далеко могилой чернела река.

– Что стоишь? – вдруг услышал он насмешливый голос Мальвины, – Прыгай, если не трусишь.

Генка вздрогнул. Неловко переступил на перилах и ... упал в бесконечность.

Вода обожгла и ударом, и холодом. И Миролюбов стал судорожно выбираться наверх. Он выбрался. Бросился к мостовому быку, но руки скользнули по гладкому камню. Тогда Генка в отчаянии закрутил головой: «Увы! Берег был безнадежно далек». И тут его бросило в панику. Он стал суетливо бить по черной глади руками и ... медленно погружаться в ледящую глыбу.

Уже, как сквозь сон, до него донеслись какие-то крики. Вдруг рядом с ним что-то ударило об воду. И через секунду другую безумно-невидящие глаза Миролюбова вдруг встретились ... со спокойными глазами Мальвины. И снова удар. Сноп брызг повторился. Однако теряющий сознание Генка уже мало что понимал.

В себя Миролюбов пришел лишь на берегу. Он прежде всего увидел Мальвину и почему-то раздетую, в одних только трусиках. Затем его взгляд упал на какого-то дядьку, облепленного мокрыми джинсами. И, наконец, перешел на лица ему совершенно незнакомых людей, которые смотрели на него с любопытством.

Вдруг дядька, который стоял в мокрых джинсах, зло глянул на Генку: «А выпороть бы тебя надо, засранец! Что б не повадно было прыгать с моста! Скажи спасибо девчонке, – он удивленно взглянул на Мальвину и даже качнул головой.» – «Она тебя, дурака, и спасла». Мальвина, которая в это время разворачивала свою аккуратнейшим образом сложенную одежду, казалось, даже не слышала похвалы злого дядьки.

Когда Миролюбов, наконец-то, очувствовался и с помощью Мальвины потихоньку стал одеваться, к ним из толпы любопытствующих обратилась какая-то тетка:

– Пойдемте, ребятки, – добродушно сказала она, – Здесь рядом кулинария. Я вас чайком угощу.

У Генки зуб на зуб не попадал. Он только согласно кивнул головой. Мальвина смолчала. По-видимому, она была тоже согласна.

В кулинарии тетка усадила «ребяток» за стол. Сама принесла им чайник с чашками и свежее испеченную кулебяку. «Давайте – отогревайтесь», – радушно проговорила она, улыбаясь.

Тут Миролюбов не заставил себя долго упрашивать. Он принялся за обе щеки уплетать кулебяку и запивать ее горячим, обжигающим чаем. Мальвина же равнодушно взглянула на чашку, над которой курился дымок, на аппетитную кулебяку и ... отвернулась.

– Да, что же ты, дочка! – тетка искренне удивилась, – Ешь – пей! Не стесняйся. Поди ведь тоже продрогла.

Мальвина чуть улыбнулась:

– Мне мама не разрешает есть что попало.

Кусочек сахару застыл возле самого теткина рта:

– И чем же, сударыня, тебя твоя мама-то потчует, если такая кулебяка тебе не по вкусу?

– Прошу меня извинить, но здесь нет того, чем кормит меня моя мама. – Мальвина по-прежнему улыбалась, но эта улыбка как-то не очень вязалась с тем, что и как она говорила.

Тетка внимательно на нее посмотрела:

– А ты – девочка непростая. С одной стороны – вроде сильная, ловкая. С другой ... – она вдруг догадливо посмотрела на Генку, – А ты, паренек, не из-за нее ли в реку-то прыгнул? – Генка молчал, делая вид, что полностью поглощен кулебякой. Тогда тетка снова повернулась к Мальвине, – А ты не подумала, что он мог из-за тебя утонуть?

Тут уже Миролюбов не выдержал:

– Тетя, – он положил недоеденную кулебяку на стол, – Мы уж сами как-нибудь меж собой разберемся. А за чай и кулебяку я деньги отдам. Вы скажите куда – я занесу.

Тетка вспыхнула и порывисто встала:

– Я от чистого сердца! А ты! Всего доброго, мальчик. Смотри в реку больше не прыгай.

Тетка ушла. Ребята задерживаться в кулинарии тоже не стали. Перед уходом Миролубов стал заворачивать оставшиеся куски кулебяки в салфетку, но был остановлен Мальвиной:

– Нечего крохоборничать. Красивая девочка презрительно оттопырила нижнюю губку, – Если ты голоден – тебя моя мама покормит.

Миролубов застыл над столом. Он не привык бросаться едой. Кроме того, ему не понравился приказной тон Мальвины. Но ... он слишком был многим обязан этой капризной, своенравной девчонке и поэтому молча положил кулебяку на стол.

Тетя Марина поджидала ребят не как обычно во дворике дома, а почему-то на улице, возле калитки.

– Ты не замерз?! Не убился?! – она сразу бросилась к Генке.

– Нет. Я даже не падал. – Миролубов удивленно смотрел на нее: «Неужели узнала? Откуда?»

– Слава Богу! – тетя Марина облегченно вздохнула, – Проходи. Я тебя чайком напою.

«К чаю» сегодня было много чего. Например, бутерброды с черной икрой. Генка ее не то что не пробовал, но даже не видывал.

– Тетя Марина, а что у вас сегодня праздник? – мальчик снова удивленно взглянул на хозяйку.

– Нет. Сегодня не праздник. Просто ешь. Докажи, что у тебя не пропал аппетит.

– Да смотри не объешься. – с «доброй» улыбкой пожелала Генке Мальвина.

– Дочь! Я прошу тебя помолчать! – тетя Марина взглянула на Мальвину с неожиданной злостью.

Генка изумленно посмотрел на нее. Видеть ТАКОЙ Мальвинину маму ему еще не доводилось. Но аппетит у него почему-то, и вправду, пропал. Нехотя съев пару бутербродов, он заторопился домой.

Тетя Марина гостя не стала удерживать, но перед самым уходом его опять удивила. Возле калитки она неожиданно его остановила и тихо-проникновенно сказала: «Ты приходи, мальчик, к нам. Приходи. Я тебе обещаю: Мальвина станет добрее».

На следующий день Генка снова стоял у знакомой калитки и снова нажимал знакомую кнопку звонка.

Глава 8

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Честно сказать, Миролубов и сам не мог объяснить, почему он вновь оказался у этой уже знакомой калитки. По отношению к «сказочной девочке» он уже не испытывал ни малейших иллюзий: злюка, которой стать доброй (как это давеча обещала тетя Марина) никак не грозило. Генка уже был не против помириться со своей «колючей» подружкой, но уязвленное самолюбие не позволяло ему подойти к Лизе первому. Так послонявшись без дела после уроков по интернату, Миролубов пошел «погулять», но ноги сами его привели к известному Домику.

Генка уже было потянулся к розовой кнопке звонка, но неожиданно заколебался: то ли нажать на нее, то ли уйти восвояси. Легкий хруст гравия, послышавшийся из-за забора, заставил его замереть. Хруст все усиливался. Затем оборвался. После чего калитка вдруг отворилась и перед Генкой предстала ... Мальвина.

– Здравствуй. – Мальвина приветливо ему улыбалась, – Я ожидала, что ты сегодня придешь.

Генка застыл, словно столб. Его поразило вовсе не то, что Мальвина минута в минуту угадала, когда он придет. Генку сразил наповал ее добрый и

радостный голос. Мальвина, оказывается, сегодня ему была РАДА. Однако и это было не все. Чудеса продолжались.

– Знаешь, что, Гена – красавица-девочка виновато взглянула на Генку, – Прежде всего я хочу перед тобой извиниться. Мне бы тебя нужно было остановить, когда ты собрался прыгать с моста, а вместо этого я ...

Мальвина все говорила и говорила, а Миролюбов ее зачарованно слушал. Он даже не вдавался в смысл произнесенных удивительной девочкой слов. Он просто упивался нежными переливами ее голоса. И неизвестно, как долго это могло продолжаться, если бы во дворике не появилась тетя Марина.

– Мальвина! – окликнула она дочь, – Ты совершенно заговорила нашего гостя. Пора пригласить его в дом.

– И правда! Что это я! – просияла улыбкой Мальвина, – Пошли, Гена. Тебя ждет сюрприз.

По всей вероятности, к приходу Миролюбова здесь снова готовились. Войдя на кухню, он снова увидел накрытый для чаепития стол. Правда, он не был столь богат, как вчера. Но аромат, благоухавший повсюду, был очень вкусен и чем-то Генке знаком.

– Ну а теперь настало время сюрприза. – Мальвина открыла духовку и вынула из нее ... кулебяку. Она протянула ее Миролюбову:

– Вместо той, что ты вчера оставил в кулинарии.

Генка стоял и глупо улыбался. Такого он вовсе не ожидал.

– Садись. Попьем чаю. – тетя Марина указала растерянному гостю на стул.

За чаепитием доселе капризная девочка не переставала удивлять Миролюбова доброй услужливостью. Она то подавала ему варенье и сахар, то подливала кипятку и заварки. Однако, по-прежнему, сама не пила и не ела. И Генка, расслабленный ее необычным вниманием, осмелился, наконец-то, задать Мальвиной маме вопрос, который давно уже мучил его.

– Тетя Марина, а что ест Мальвина? – спросил он, когда девочка вышла на минуту из кухни.

Тетя Марина внимательно посмотрела на Генку:

– Ты убедился, что у меня очень необычная дочь? – Миролюбов согласно кивнул головой, – Так вот, – продолжала тетя Марина, – С рождения она получает еду из одного института.

Тут Генке, конечно, очень захотелось спросить: «Что это за институт и что за еда?», однако, на кухню уже вернулась Мальвина. Она почему-то принесла из прихожей пальто Миролюбова.

– Гена, взгляни, – Мальвина протянула пальто, – Здесь у тебя оторвана пуговица. Если ты разрешишь, я пришью тебе точно такую же.

Генка в момент обалдел от восторга: «Вот оно! Наконец-то, дождался!», однако вида не подал, а лишь пробубнил, уткнувшись в тарелку:

– Ну, если не трудно – пришей.

Мальвина ушла, а тетя Марина подлила Генке чаю и, глядя, как тот уплетает кулебяку за обе щеки, неожиданно очень серьезно сказала:

– Знаешь, что, Гена, если ты хочешь и дальше дружить с моей дочерью, то должен дать мне слово не совершать больше безрассудных и глупых поступков.

Генка замер на месте, даже жевать перестал.

– Ты обещаешь? – с нажимом повторила тетя Марина.

– Ладно. Не буду. – Скомканые слова с трудом выпадали из набитого кулебякою рта.

Остаток дня пролетел для Миролюбова, точно мгновение. Он пребывал в каком-то облаке эйфории и даже не помнил, чем все это время они занимались с Мальвиной: о чем говорили, в какие игры играли. И когда тетя Марина Генке сказала, что уже поздно и ему пора уходить, он на какое-то время даже впал в ступор. Настолько это известие оказалось для него неожиданным и неприятным.

Назад в интернат Миролюбов возвращался в глубоком раздумье. Все его мысли были теперь лишь о Мальвине. Его поражали удивительные перемены, произошедшие в этой необычной девчонке. Она почему-то напоминала ему сейчас прекрасную розу, на которой внезапно исчезли шипы.

В интернат Миролюбов влетел, как на крыльях, и тут же остолбенел. В вестибюле стояла ... Лиза.

– Здравствуй, – Лиза в руках держала порядочный сверток, – Гена, я тебе принесла бутерброды. Как всегда, с колбасой, – ее взгляд случайно упал на пальто Миролюбова, на то место, где недавно еще пустовала петлица, и ... замер, – Тебе пуговицу кто-то пришил? – прошептала она едва слышно.

– Мальвина пришила. – Генке почему-то стало неловко.

– Так значит она теперь ... – не очень красивое лицо Лизы по-старушечьи сжалось и стало совсем некрасивым.

Внезапно Миролюбову стало жалко свою теперь уже БЫВШУЮ подружку. Ему захотелось сказать Лизе что-то, очень хорошее, доброе, но та уходила в слезах.

Какое-то время Генка провожал ее взглядом. Затем полной грудью вздохнул. Ему стало легче. Но золотистое облако счастья, в котором он пребывал до сих пор, безвозвратно растаяло.

Глава 9

ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Теперь Миролюбов только и делал, что бегал в Пряничный Домик. Ему было так хорошо, так уютно с Мальвиной, что он временами даже слегка опасался, как бы все не вернулось на круги своя, и девочка снова не стала капризной и своенравной. Однако, его опасения были напрасны. Мальвина день ото дня становилась с ним только добрее и ласковее.

Тетя Марина в отношении Генки так же переменилась. Как прежде, она встречала его в Пряничном Домике очень радушно. Однако теперь, когда

Миролюбов, случалось, влюбленно смотрел на Мальвину, он время от времени ловил на себе обеспокоенный взгляд ее мамы. Но Генку не волновали подобные «мелочи». Он пребывал в эйфории, общаясь с чудесной девчонкой, которая из чертенка превратилась вдруг в ангела.

Так проходил день за днем, но Миролюбов не знал и не ведал, что близок конец его счастью. И, как это часто бывает, гром грянул среди ясного неба, когда его меньше всего ожидают.

Однажды все вместе они сидели в беседке: Мальвина, Мальвинина мама и Генка. И так уж случилось, что одна из полураспустившихся роз, по всей вероятности, отяжелев от дождя, через перила склонилась к влюбленным.

Взгляни, – Мальвина обратила внимание Генки на розу, – Какая красавица! Чудный цветок!

И тут с Миролюбовым, который был далеко не поэт, случилось черт знает что. Он вдруг покраснел до ушей и выпалил разом, непроизвольно:

– А ты!.. Ты даже красивее чем, эта роза!

Мальвина залилась своим восхитительным смехом, как будто бы рядом прозвенел колокольчик, и очень лукаво посмотрела на Генку. На Генку взглянула и Мальвинина мама тем самым тревожным, обеспокоенным взглядом.

Тот день прошел как обычно. Ничто не предвещало беды. Мальвина и Генка гуляли по городу едва ли не до самого вечера. Однако, когда они вернулись домой, тетя Марина отослала дочь в ее комнату и как-то странно взглянула на гостя:

– Послушай-ка, МАЛЬЧИК. – Генка насторожился. К нему в этом доме так еще ни разу не обращались. А тетя Марина, выдержав паузу, спросила его неожиданно, – Ты ... влюбился в Мальвину? – вопрос застал Генку врасплох. И он вдруг почувствовал, что у него язык отнялся. Но тете Марине ответ был уже и не нужен, – Послушай меня, – внезапно лицо ее стало таким же, как у Генкиной мамы, когда она его очень жалела, – Я все равно тебе это хотела

сказать. Чуть позже. Но это уже и не важно. Тебе придется с Мальвиной расстаться.

Когда получаешь страшной силы удар, то в первый момент не чувствуешь боли. Так вот и Генка сразу не понял, не осознал то, что сказала ему тетя Марина.

– Как это расстаться? – натужно наморщил он лоб.

– Расстаться как? Да очень просто. Как обычно. – Усмехнулась тетя Марина, – Мы уезжаем в другой город. Мне нужно туда по работе.

И тут-то, наконец, до Генки дошло, ЧТО сказала ему мама Мальвины, и он вдруг почувствовал нестерпимую БОЛЬ.

– Я с вами поеду! – закричал он в отчаянии.

– И что ты там будешь делать? Где жить? Где учиться? – тетя Марина смотрела на него, как на несмышлениша.

Миролубов молчал и сопел. Он понимал, что Мальвинина мама права. Но и он тоже ПРАВ. В нем нарастала настоящая буря протеста. Он вскинул наполненные обидой и гневом глаза:

– А я все равно поеду! Я буду там, где Мальвина!

– Послушай-ка, МАЛЬЧИК! – в голосе тети Марины уже слышалось раздражение, – Ты вспомни! Я простила тебе воровство. Дала тебе денег. Разрешила дружить с моей дочерью. Однако всему есть предел. Пойми! ЭТА ДЕВОЧКА НЕ ДЛЯ ТЕБЯ!

– Я, тетя Марина, не мальчик. – Генка угрюмо смотрел пред собой, – И мы с Мальвиной любим друг друга. Вы у нее-то спросите.

– Мальвину спросить?! Она тебя любит?! – тетя Марина рассыпалась дробным, неестественным смехом, как-будто битое стекло пересыпали в жестянке. – А впрочем ... – она вдруг задумалась. – Ты меня подожди. – И ушла.

Когда тетя Марина вернулась, она сунула что-то Миролубову в руку:

– У тебя же есть девочка. Кажется, ее зовут Лиза. Своди свою Лизу в кондитерскую с Пряничным Домиком, ту, что показывал ты моей дочери.

Генка взглянул на ладонь и увидел ... купюры. Он сжал их в кулак и с размаху швырнул на землю:

– Мне не нужны ваши деньги!

Тетя Марина удивленно смотрела на Генку:

– Ты и, вправду, не мальчик. Может быть, деньги все же возьмешь?

Генка опомнился. Он подобрал скомканные купюры с земли и протянул их тете Марине:

– Пожалуйста, извините меня. Но можно мне хотя бы еще раз увидеть Мальвину?

Тетя Марина какое-то время смотрела на Генку, очевидно, колеблясь, но, наконец, повернулась к дому лицом:

– Дочь! Выйди, пожалуйста, на минуту. Попроцаться ... со своим другом.

Мальвина как будто бы только этого и ждала. Тотчас появилась она на крыльце и помахала Генке маленькой ручкой:

– Прощай, Гена! Я тебя буду помнить.

Мгновение-другое Миролюбов буквально пожирал глазами девчонку из сказки, затем произнес:

– ДО СВИДАНИЯ. МАЛЬВИНА. – И быстро пошел прочь к калитке.

Возле самого выхода тетя Марина, провожавшая Генку, его неожиданно приобняла:

– Прости меня ... мальчик. – Миролюбов взглянул на нее удивленно и увидел на ее лице слезы. – Прости меня. – повторила тетя Марина, – Я прошу тебя, возьми эти деньги и купи своей Лизе пирожных. – и увидев в глазах Миролюбова категоричное «нет», торопливо добавила, – Возьми! Ну, хотя бы ради ... Мальвины.

Генка, молча, позволил ей сунуть деньги себе в карман.

Глава 10

И СНОВА МАЛЬВИНА

С этого дня Миролюбов все свое время проводил у окна интерната, глядя на Пряничный Домик. Мальчику мнилось, что тетя Марина его обманула, и что Мальвина никуда не уехала. Так проходил день за днем и, наконец, он не выдержал: на свой страх и риск удрал с уроков и, как и прежде, полетел вниз, с горы, туда, где призывно маячила шоколадная крыша.

Вот и знакомый забор из стальных витых прутьев. Генка нажал на розовую кнопку звонка. Резко и ... все равно неожиданно прозвенела знакомая трель. Сердце у мальчика гулко забилося. Он ожидал теперь шороха легких шагов по дорожке, но из-за калитки не доносилось ни звука. Тогда Миролюбов до упора утопил эту чертову кнопку. Звонок надрывался, визжал, скрежетал. Но Генка давил и давил занемевшим от напряжения пальцем. И вдруг калитка открылась. Из-под нависших шалашиком жестких бровей мальчика шильями кольнули глаза:

– Ты это что хулиганишь?! Сейчас вот как дам!

Едкий и резкий выдох табачного дыма, брызги слюны изо рта старика заставили мальчика отшатнуться.

– Здесь жила девочка ... Мальвина ... – голос у Генки упал.

– Мальвина?! – колючие глазки заискрились смешком, костистые плечи затряслись, как в припадке, но вместо веселого смеха послышался раздражающий кашель. Когда, наконец, приступ изнурительного кашля угас, глаза из-под жестких бровей взглянули еще злей и колючей:

– Ты, чай, интернатовский?

Генка машинально кивнул головой.

– Ворье! Нищоброды! Мальвины тут нет! А ты, Буратино, вали в интернат, к своему папе Карло!

Калитка захлопнулась. Какое-то время Миролубов стоял, как оплеванный. Затем потихоньку побрел прочь от дома, не обращая внимания на начавшийся дождь.

Дождинки стекали по лицу Миролубова. А он все шагал, шагал и шагал. Однако неверно бы было помыслить сейчас, что он жестоко страдал. Да нет, не страдал и даже не думал о любимой девчонке из сказки. Он просто медленно шел под дождем, бесчувственно, вяло и тупо.

Он сам не заметил, как пришел в интернат и, словно в тумане, зашагал по его коридору. Но вдруг сквозь туман пробился ненавистный голос Серьги: «Бабон! Это ты?! Вали к телевизору! На сучку свою посмотри!»

От неожиданности Генка замер на месте, но вдруг услышал ... как пела Мальвина! Мгновение-другое он стоял недвижим, затем рванул в холл, к телевизору. И вот, наконец, он увидел ЕЕ!

Мальвина пела ТУ САМУЮ песню, которая когда-то так понравилась Генке: «Только небо, только ветер, только радость впереди!..»

При виде девчонки, которую он так любил, при звуках ее серебристого голоса неизъяснимый восторг наполнил Генкино сердце. Он зачарованно слушал, жадно смотрел, буквально впившись глазами в экран.

Но песня закончилась. Камера сдвинулась вправо и в студии обнаружился стол, за которым сидели Мальвинина мама и какая-то тетка, по-видимому, телеведущая. Телеведущая заулыбалась и обратилась к тете Марине:

– Ваша Мальвина поет превосходно, – сказала она почему-то с едва уловимой с иронией, – Но что она умеет делать еще?

– Практически все. – ирония телеведущей на Мальвинину маму не произвела ни малейшего впечатления, – Петь, танцевать, играть в шахматы и ... даже драться. Однажды она гуляла по городу с мальчиком ...

– Что – что?! – ведущая удивленно вскинула брови, – Мальвина гуляла по городу с МАЛЬЧИКОМ?!

– Гуляла, – не без гордости повторила Мальвинина мама. – Так вот, к ее мальчику пристал хулиган. Мальвина моментально скрутила его.

По холлу, в котором до сих пор была мертвая тишина, пробежал шепоток. И многие глянули на Серьгу. Кто прямо, кто сбоку, исподтишка. Серьга попытался состроить улыбку. Однако лицо его исказилось гримасой полузабытого животного страха и боли.

– Они дружили, как самые настоящие дети, – мечтательно продолжала тетя Марина, – Однако со временем эта дружба переросла в нечто большее. Однажды этот влюбленный мальчишка спросил у Мальвины, что если он ради нее прыгнет с моста?

– Ого! – глаза у ведущей сделались круглыми. – И что ты ему на это ответила? – она обратилась к Мальвине.

Девчонка из сказки обдала ее взором, голубым, безмятежным, как ясное летнее небо:

– Пусть прыгает, если хочет.

– Он прыгнул. – ответила тетя Марина на безмолвный вопрос ведущей и, как бы сожалея, вздохнула. – Я очень перепугалась тогда и ... ПЕРЕВОСПИТАЛА Мальвину. Она стала добрее и мягче. Но получилось-то хуже. Мальчишка влюбился в нее пуще прежнего и даже обещал на ней непременно жениться.

– Жениться? – игриво переспросила телеведущая. – А это возможно?

– Возможно все! – отрезала тетя Марина, – Но далеко не все, что возможно бывает и нужно.

В мертвую тишину холла ворвался мерзкий смешок. Это внезапно развеселился Серьга. Генка стоял и ни жив, и ни мертв, но даже не думал отходить от экрана.

– А в результате, – после паузы проговорила Мальвинина мама, – Нам пришлось срочно уехать.

– Общение с мальчиком было полезно для вашей Мальвины? – лицо у телеведущей вдруг стало почему-то отсутствующим.

– Конечно-конечно! Вне всяких сомнений!.. – начала было тетя Марина, однако заметив улыбку сарказма у телеведущей, с досады чуть прикусила губу.

– А мальчику оно было тоже полезным?

– Я думаю, да. – теперь уже Мальвинина мама осторожно роняла каждое слово, – Дочь расширяла его кругозор, защищала его.

– Скажите, она – ваша ДОЧЬ? Вы так друг на друга похожи. – с «наивной» улыбкой ведущая смотрела на тетю Марину.

– Да, дочь. – твердо ответила та, – Мальвина, скажи, мое солнышко, ты моя дочь?

– Да, мама. – ей ответила девочка все с тем же безоблачным взглядом.

– Ну, что ж ... Наверное, так. – вздохнула телеведущая, – На этом наша передача «РОБОТЫ В НАШЕЙ ЖИЗНИ» окончена. Сегодня мы познакомились с роботом, который стал ... – она оценивающе посмотрела на сидящую напротив Мальвину, – Почти человеком.

Глава 11

КУКЛА

Закончившуюся передачу сменила рекламная пауза. Но зрители почему-то не расходились, как будто бы они ожидали какого-то продолжения. А Генка и вовсе застыл истуканом, по-прежнему глядя в экран. Но вдруг тишину, в которую не вторгались даже громкие звуки рекламы, нарушил язвительный голос Серьги:

– Бабон! А у тебя оказывается БАБА РЕЗИНОВАЯ!

Весь холл всколыхнулся, по нему полетели смешки. Однако их сразу оборвал рык из первого ряда:

– А ты б заткнул пасть, Серьга! Пока я ее не порвал, как резину! – и возле телевизора воздвигся вдруг «шкаф». Это поднялся со стула старший Бугай.

Тут, словно очнувшись, Генка оглянулся вокруг и вдруг осознал, что все здесь глядят на НЕГО. Он тотчас же выбежал вон из холла.

Не останавливаясь, Миролюбов поднялся на пятый этаж и ... снова застыл. Теперь уже у окна, из которого виден был Пряничный Домик.

Был вечер. Город уже зажигался огнями. Горели огоньки и в Пряничном Домике. Картина перед глазами была удивительно мирной, спокойной, а в голове Миролюбова мысли мчались, как вихрь.

Мальвина ... Какой она робот?! Он помнил вживую волнующий аромат ее русских волос и теплые, нежные руки. А ласковый взгляд, которым она встречала его ... Какой она робот?! Но вспомнилось ему и другое. Мальвина не ела, не пила с ними чаю. А как она с ловкостью, не подвластную человеку, поймала красивую бабочку, нисколько ее не измяв. А этот прием, которым она моментально скрутила Серьгу ... Отменный и мастерский, достойный профессионала бойца. Так значит Мальвина все-таки робот ... А запах душистых волос и ласковый взгляд синих глаз – все это обман?! Тут Генка почувствовал, что медленно сходит с ума.

Он ночь спал неважно. А лучше сказать, что вовсе не спал. Порою впадал в забытие, в котором ему представлялась Мальвина. Он тщился ей что-то сказать, но сон прерывался и виденье его оставляло.

Наутро мучения Генки продолжились. В столовой впивались в него любопытные взгляды. Он несколько раз слышал у себя за спиной: «Мальвина» и «робот», и «Буратино». Однако пока Миролюбов держался, «не видя, не слыша» и успешно делая вид, что ЭТО к нему не относится. Сорвался он только однажды и, честно сказать, не по делу. На переменке к нему подошел Костян Бугаенко и очень участливо (что было на него совсем непохоже) сказал:

– Слышь, Ген. Ты чего такой смурый? Ты это из-за Серьги? Да хочешь, я брату скажу, и он ему морду набьет за эту БАБУ РЕЗИНОВУЮ.

И все б ничего, но упоминание о «резиновой бабе» подействовало на Генку, как на быка красная тряпка, и он очень резко ответил Костяну:

– Заткнись и лучше отойди от меня.

На что Бугаенко сильно обиделся.

Но Миролюбова не очень-то занимали обиды приятеля. Перед глазами у него все время стояла Мальвина. В конце концов, он не выдержал и снова поднялся на пятый этаж, чтобы еще раз взглянуть на Пряничный Домик. Однако едва Генка стал у окна, как тут же услышал у себя за спиной:

– Здравствуй, Гена.

– Ну, что тебе? – апатично и вяло Миролюбов повернулся к окликнувшей его Лизе.

– Гена, а, может быть, мы с тобой ходим в кино? – за нежной улыбкой Лиза скрывала свою настороженность.

– Не знаю ... Возможно... Потом ... – ответил ей Миролюбов невнятно. Он в этот момент ощущал себя несмышленным теленком, не знающим как ему жить.

– Все смотришь в окно, на свой Пряничный Домик! – теперь уже в голосе Лизы звучали обида и ревность, – Не можешь забыть эту куклу?! Эту Мальвину?! Уже весь интернат над тобой смеется! Серьга объявил, что в складчину нужно купить тебе ... – здесь Лиза запнулась, сообразив, что переходит черту. Однако язык сам собой закончил едкую фразу, – Он хочет купить тебе в складчину БАБУ РЕЗИНОВУЮ!

В мгновение ока Генка превратился из теленка в тигренка. Он вскинул на Лизу бешено-злые глаза:

– Убирайся, Колючка!

Лицо Лизы вспыхнуло и тут же погасло. Так в лампе сгорает перекаленная нить. Она еще что-то хотела сказать Миролюбову, но тот уже отвернулся к окну.

Вся красная и расстроенная Лиза ушла, а Генка остался смотреть на Пряничный Домик, но как-то уже ему не смотрелось. И он потихоньку

отправился в класс, на первый урок, который вела учительница русского языка Галина Ивановна Бачманова.

Галина Ивановна Генку не привечала. Уж слишком ершистым был ее ученик, а, самое главное, не умел подчиняться. Однако сегодня, заметив, что Генка не весел, она почему-то решила «принять в нем участие»:

– Ты что это загрустил, Миролюбов? Ты, часом, не болен?

Вопрос застал Генку врасплох. Он поднял глаза на учительницу, не зная, что ей отвечать. Однако приятеля «выручил» сидящий с ним рядом Костян:

– А он влюбился, Галина Ивановна!

– Влюбился?! – Бачманова искренне удивилась, – Так это же хорошо! Нужно радоваться! А у тебя, Миролюбов, такой вид, как будто ты через минуту умрешь.

И тут словно прорвало плотину. Весь класс наперебой загалдел:

– Галина Ивановна! А эта девочка оказалась роботом!

– Ее Мальвина зовут! Она танцует, поет, разговаривает! Ее от живой и не отличишь!

– Вот до чего наука дошла! И таких уже роботов делают! – изумилась Бачманова.

Костян Бугаенко дурашливо поднял руку:

– Галина Ивановна! Я тоже хочу таких роботов делать!

– Чтобы роботов делать, нужно учиться в специальной школе, в которую принимают только прилежных ребят. А у тебя, Бугаенко по русскому тройка. Ты и в нашей-то школе учиться не хочешь. – Бачманова вновь повернулась к Генке и спросила жалеючи, – Миролюбов, неужели ты правда влюбился в робота?

Это было уж слишком для Генки. Он вскочил и закричал учительнице прямо в лицо:

– К черту идите! Идите все к черту! Достали уже! – и рванул к дверям.

– Миролюбов, вернись! – в голосе Галины Ивановны зазвучали нотки металла, – Вернись! Не то пожалеешь!

Генка, как дернулся, – остановился. Резко повернулся всем телом, но не к учительнице, ко всему своему классу и прокричал, чеканя каждое слово:

– Я! Вас! Всех! Ненавижу! – после чего вылетел вон из класса, шваркнув так дверью, что с потолка посыпалась известь.

Остаток дня и весь вечер Миролюбова нигде не было видно. Он прятался в интернате в самых укромных местах, поскольку Костян Бугаенко ему сообщил, что его срочно вызывают к директору. Уже только ночью, после отбоя Генка потихоньку проскользнул в свою комнату. Разделся, нырнул под одеяло и тут же крепко уснул.

Так крепко, что утром, когда уже все проснулись, оделись, умылись он даже и не думал вставать. «Эй! Миролюбов! Подъем! Хватит дрыхнуть!» – проорал, наконец, дежурный и сдернул с него одеяло.

И вдруг стало тихо. Лишь кто-то из ребят произнес едва слышно: «Вот это да!» Все с изумлением смотрели на кровать Миролюбова. А Генки ... там не было. Был только муляж из одеял и подушек.

Когда шок прошел, Генку стали искать по всему интернату. Искали везде и ... нигде не нашли. Тогда заявили о пропаже человека в полицию...

А Генка не знал и не ведал, что его уже ищут повсюду: вскрывают канализационные люки, осматривают предназначенные к сносу дома. На деньги, которые дала ему тетя Марина для Лизы, он ехал в столицу, поступать в специализированную, детскую школу, в которой, как говорила учительница, конструируют роботов. Он все понимал: и то, что у него нет документов и то, что денег в обрез, на день или два. Но Миролюбов был почему-то абсолютно уверен, что его непременно примут в эту необычную школу. Ведь в школе поймут, что он очень хочет себе сделать вторую Мальвину, которую у него уже никто не отнимет.